

Сергей Романюк

Арбат. В лабиринте переулков

«Центрполиграф»

2016

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Романюк С. К.

Арбат. В лабиринте переулков / С. К. Романюк — «Центрполиграф»,
2016

23 арбатских переулка общей протяженностью 8 километров – это целый особый город, резко отличающийся от других районов Москвы. Они бесконечны и необъятны. Сколько ни пиши о них, всегда находится что-то новое.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

© Романюк С. К., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

В лабиринте арбатских переулков	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Константинович Романюк

Арбат. В лабиринте переулков

© Сергей Романюк, 2016

© «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

* * *

В лабиринте арбатских переулков Между Пречистенкой и Арбатом

Значительное пространство между большими московскими улицами Пречистенкой и Арбатом густо исчерчено извилистыми линиями переулков. Их в этой местности целых 23, больше, чем где-либо в центре Москвы. Общая протяженность переулков около 8 километров – это длина солидной городской магистрали, а самый большой из них – переулок Сивцев Вражек, почти 800 метров, и самый короткий – Малый Могильцевский, чуть больше 100 метров. Второй по длине переулок – Гагаринский – был во время формирования здесь застройки (примерно XVI в.) крупной радиальной магистралью, следовавшей от Пречистенских ворот Белого города, а образование переулка Сивцев Вражек связано с застройкой берегов ручья Сивец, правого притока ручья Черторый.

Здесь были взяты Иваном Грозным в опричнину, и возможно, что к тому времени относится образование здесь нескольких казенных слобод. Ближе к стене Белого города, в районе современного Большого Афанасьевского переулка, находилась слобода иконописцев, у Сивцева Вражка – дворцовая царицына слобода, на южной стороне Арбата, в районе Кривоарбатского переулка, – слобода казенных плотников. Обширную территорию занимала дворцовая конюшенная слобода – там, где сейчас Гагаринский, Староконоушенный и Малый Власьевский переулки. Она смыкалась со стадной слободой у Кропоткинского переулка, а ближе к западной границе города находились военные стрелецкие слободы.

В XVIII в. тут начало селиться родовитое московское дворянство, а к концу века, особенно во время царствования Павла I, когда в Москву удалилось от петербургских тревожных служилое дворянство, этот район города стал своеобразным дворянским предместьем, которое сравнивали с Сен-Жерменским парижским фешенебельным пригородом. В Москве этот район получил название Старая Конюшенная.

После пожара 1812 г., когда все без исключения деревянные дома здесь сгорели, район в сравнительно короткое время был застроен. Появилось много изящных особняков, в которых особенно отчетливо проявились все симпатичные черты московской разновидности позднего классицизма. «Ухватив широту, пышность этого стиля, тогдашние строители сумели придать ему ту уютность, которой он не имел ни во Франции, где он был слишком чопорен, ни в Петербурге, где он был слишком величав. Отсюда то изящество, которым до сих пор отличаются отдельные уголки барской Москвы», – отмечалось в московском путеводителе 1917 г.

Дома в этих переулках превратились в некий символ целого периода в истории русского зодчества, в символ московского ампира. И недаром Иван Бунин писал в 1905 г.:

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город...

Действительно, здесь был особый город, резко отличный от, скажем, купеческого Заяузя или фабричного Лефортова.

Никто лучше уроженца этих мест не рассказал о них, предоставим слово князю Петру Кропоткину, знаменитому ученому и анархисту:

«Москва – город медленного исторического роста. Оттого различные ее части так хорошо сохранили до сих пор черты, наложенные на них ходом истории. Замоскворечье, с его широкими сонными улицами и однообразными, серыми, невысокими домами, ворота которых накрепко заперты и днем и ночью, осталось поныне излюбленным местом купе-

чества и твердыней суровых, деспотических, преданных форме старообрядцев. Кремль и теперь еще является твердыней государства и церкви. Громадная площадь пред ним, застроенная тысячами лавок и лабазов, с незапамятных времен представляла настоящую торговую толчею и до сих пор является сердцем внутренней торговли обширной империи. На Тверской и Кузнецком мосту издавна сосредоточены главные модные магазины, тогда как заселенные мастеровым людом Плющиха и Дорогомилово сохранили те самые черты, которыми отличалось их буйное население во времена московских царей. Каждая часть составляет сама по себе отдельный мирок, со своей собственной физиономией, и живет своей особой жизнью. Даже склады и мастерские, тяжело нагруженные вагоны и паровозы железных дорог, когда последние вторглись в древнюю столицу, и те сосредоточились отдельно, в особых центрах, на окраинах старого города.

Петр Алексеевич Кропоткин, русский революционер, теоретик анархизма, географ, историк

И из всех московских частей, быть может, ни одна так не типична, как лабиринт чистых, спокойных и извилистых улиц и переулков, раскинувшийся за Кремлем между Арбатом и Пречистенкой и известный под названием Старой Конюшенной... В этих тихих улицах, лежащих в стороне от шума и суеты торговой Москвы, все дома были очень похожи друг на друга. Большею частью они были деревянные, с ярко-зелеными железными крышами; у всех фасад с колоннами, все выкрашены по штукатурке в веселые цвета. Почти все дома строились в один этаж, с выходящими на улицу семью или девятью большими светлыми окнами. На улицу выходила „анфилада” парадных комнат. Зала, большая, пустая и холодная, в два-три окна на улицу и четыре во двор, с рядами стульев по стенкам, с лампами на высоких ножках и канделябрами по углам, с большим роялем у стены; танцы, парадные обеды и место игры в карты были ее назначением. Затем гостиная тоже в три окна, с неизменным диваном и круглым столом в глубине и большим зеркалом над диваном... Лавки в эти улицы не допускались, за исключением разве мелочной или овощной лавочки, которая ютилась в деревянном домике, принадлежавшем приходской церкви. Зато на углу уже, наверное, стояла полицейская будка, у дверей которой днем показывался сам будочник, с алебардой в руках, чтобы этим безвредным оружием отдавать честь проходящим офицерам. С наступлением же сумерек он вновь забирался в свою темную будку, где занимался или починкой

сапог, или же изготовлением какого-нибудь особенно забористого нюхательного табака, на который предъявлялся большой спрос со стороны пожилых слуг из соседних домов.

Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мере на посторонний взгляд, в этом Сен-Жерменском предместье Москвы. Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гувернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Попозже можно было видеть барынь в парных санях с лакеем на запятках, а то в старомодных – громадных и просторных, на высоких, висячих рессорах – каретах, запряженных четверкой, с фореитором впереди и двумя лакеями на запятках. Вечером большинство домов было ярко освещено; а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или же танцующими. В те дни „идеи” еще не были в ходу: еще не пришла та пора, когда в каждом из этих домов началась борьба между „отцами и детьми”, борьба, которая заканчивалась или семейной драмой, или ночным посещением жандармов. Пятьдесят лет назад никто не думал ни о чем подобном. Все было тихо и спокойно, по крайней мере на поверхности».

После отмены крепостного права тихая, безмятежная жизнь уходящего дворянства кончилась, многие особняки перешли в иные руки, в арбатских и пречистенских переулках поселились представители новой интеллигенции – врачи, адвокаты, ученые. Правда, еще в конце 1880-х гг. арбатские переулки были свидетелями идиллических деревенских сцен. «Многие держали у себя во дворах коров, – вспоминал современник. – Я помню одно раннее весеннее утро. Всего лишь четыре часа; я просыпаюсь и слышу непривычный для себя звук. Что такое? Оказывается, идет пастух по Плотникову переулку и играет на рожке. Коровы выходят из ворот, и пастух гонит их пастись на Девичье поле». К концу XIX в. воздвигаемые в переулках высокие доходные дома начали разрушать стилистическую цельность Старой Конюшенной.

Недавние перемены еще более заметны – многие старинные деревянные дома, памятники целого периода развития архитектуры и истории Москвы, были снесены и на их месте построены здания, отнюдь не блещущие достоинствами тех образцов московской архитектуры, которые они заменили. Как писала директор герценовского музея Ирина Александровна Желвакова в книге «Тогда... в Сивцевом», «старая жизнь ушла. В тихий московский переулок пришли новые хозяева. Поликлиники, аптеки, дома „улучшенной планировки”, снующие день и ночь черные „Волги”... Можно ли больше разрушать? Оказывается, можно. Правительство нарушает свои же собственные запреты. Историческая зона Арбата взорвана вновь безжалостной стройкой».

Из-за бездумного, безразличного отношения к нашему наследию этот некогда один из самых поэтических уголков Москвы неузнаваемо изменился.

Церковь свв. Афанасия и Кирилла

Большой и Малый Афанасьевские переулки. Оба этих переулка называются по церкви святых Афанасия и Кирилла, здание которой находится по Большому Афанасьевскому ближе к перекрестку с Сивцевым Вражком. С 1960 по 1994 г. Большой назывался улицей Мясковского (композитора, жившего неподалеку), а Малый как-то сохранил свое старое имя. Большой назывался также Ушаковским, а часть его – от Гагаринского переулка до Сивцева Вражка – Юшковым – по фамилии домовладельцев. Большой Афанасьевский протягивается более чем на 700 метров от Гагаринского переулка до Арбата – это один из самых длинных здесь переулков. Он значительно изменил свой облик. Еще в 1948 г. в книге «Литературные экскурсии в Москве» литературовед Н.П. Анциферов, который, кстати говоря, и сам жил в этом переулке в доме № 41, писал: «Дома под № от 7 до 13 создают комплекс, который позволяет и в наши дни разглядеть облик Старой Конюшенной, какой она была более ста лет назад... Богатая лепка с античными мотивами стиля ампир, чугунные решетки, фронтоны с гербами. Особенно характерен дом № 13 с полукруглым окном в глубокой амбразуре, украшенной лепкой, с крыльцом, выходящим во двор, с кронштейнами, на которых рельефы с крылатыми львами».

Теперь начало переулка внешне ничем не примечательно: с правой стороны советские типовые кирпичные жилые дома для мелких чиновников, слева – дом № 3. В начале XX в. дом (теперь неузнаваемо перестроенный) принадлежал известному оториноларингологу С.Ф. фон Штейну, основоположнику учения о вестибулярном аппарате, основателю первой ЛОР-клиники. Эта постройка памятна тем, что она связана с первыми годами развития советской науки. В доме № 3 в 1920-х гг. располагался Государственный электротехнический институт, где работали известные ученые-физики А.А. Глаголева-Аркадьева, С.Н. Ржевкин, К.Ф. Теодорчик, Б.А. Введенский, Н.А. Капцов (некоторые из них и жили здесь), а также

были квартиры психиатра В.П. Сербского (до 1917 г.), а в 1920-х гг. металлурга В.Е. Грум-Гржимайло.

Большой Афанасьевский переулок, дома № 7 и 9

Примером реставрационных работ может служить дом № 7, построенный в 1852 г. для «крестьянки Мавры Чедаевой», приспособленный для банка в 1993 г. Позади дома возвели пристройку с какой-то странной беседкой неясного назначения, изуродовавшей архитектурный памятник. В 1884–1895 гг. в доме жил артист Малого театра О.П. Правдин (он был его владельцем), в 1910-х гг. писательница, автор многих романов, повестей, пьес и в их числе необыкновенно популярного тогда романа «Ключи счастья» А.А. Вербицкая, а в начале XIX в. квартировала семья Иваск, из которой вышел известный поэт Юрий Иваск, получивший известность в Соединенных Штатах – семья эмигрировала в 1920 г. С домом № 9 обошлись значительно бережнее, чем с соседом (в нем в начале 1900-х гг. жил физик А.И. Бачинский, изучавший поверхностное натяжение и вязкость жидкостей), к 1825 г. перестроенный из двухэтажного дома, числившегося за 3 года до этого «обгорелым каменным строением», принадлежавшим генерал-майору В.А. Урусову. Место остальных занял огромный, несоразмерный с этими тихими, уютными переулками шестнадцатизэтажный типовой железобетонный дом – пример поразительно безответственного отношения к застройке заповедной зоны Москвы. В нем небольшую квартиру получил основатель музея А.С. Пушкина Александр Зиновьевич Крейн. На месте дома в 1870— 1880-х гг. находилась частная Библиотека для чтения известного книговеда и библиографа А.Д. Торопова, основателя Московского библиографического кружка, редактора журнала «Книговедение».

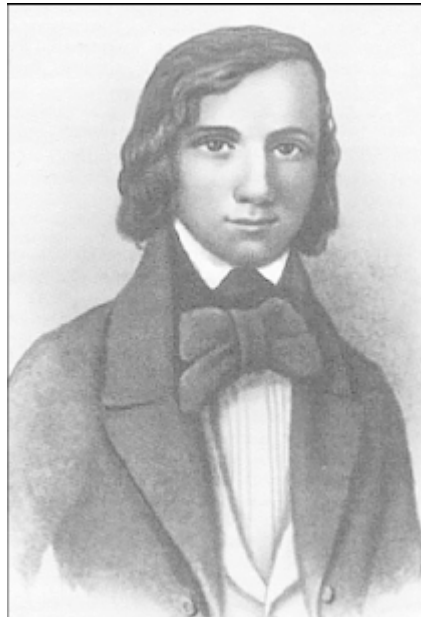
С левой стороны от бетонного монстра – небольшой садик со странноватыми скульптурами, а позади него находится двор, где таких скульптур еще больше. Это так называемый «Бурганов-центр» или «Сад культуры 500 лет Арбата».

Напротив – два замечательных литературных мемориальных памятника. Один из них – одноэтажный с мезонином домик (№ 8, законченный постройкой, как сказано в архивном документе, 28 июня 1818 г.), к которому были сделаны пристройки в 1884 г. и, вероятно, тогда же изменен фасад. Здесь в 1920-х гг. жил Н.К. фон Мекк, погибший в застенках Лубянки. Он был сыном той самой Надежды Филаретовны, прославившейся поддержкой в течение многих лет П.И. Чайковского. Н.К. фон Мекк стал председателем правления Московско-Казанской железной дороги, был женат на племяннице Чайковского А.Л. Давыдовой. Его арестовали вместе с многими техническими интеллигентами, которым приписали образование так называемой Промпартии. Это был один из первых политических процессов, инсценированных Сталиным. Почти всех участников процесса расстреляли.

Большой Афанасьевский переулок, дома № 8 и 12

Этот дом, как было написано в контракте, сохранившемся в архиве, «с мезонином, крытый железом и оштукатуренный, внутри чисто раскрашенный», снял с 1 октября 1835 г. кандидат Московского университета Н.В. Станкевич, который был душой и организатором кружка молодых людей, объединенных общим интересом к философии Шеллинга и Гегеля, к литературе и истории.

Н.В. Станкевич, русский писатель, поэт, публицист, мыслитель

Теплые воспоминания о кружке оставил Константин Аксаков: «У Станкевича собирались каждый день дружные с ним студенты его курса; кроме их, вышедшие прежде некоторые его товарищи... Кружок Станкевича был замечательное явление в умственной истории нашего общества... В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир – воззрение большею частию отрицательное. Искусственность русского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма, все это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект; и то и другое высказалось в кружке Станкевича, быть может впервые, как мнение целого общества людей... Кружок Станкевича, в который, как сказал я, входили и другие молодые люди, отличался самостоятельностью мнения, свободною от всякого авторитета...»

К 1868 г. на планах этого участка уже значится еще одно строение, то, что слева, с высокими полуциркульными окнами. В конце 1890-х гг. участок принадлежал профессору Московского университета известному медику А.А. Остроумову. В детстве здесь жил поэт П.Г. Антокольский.

Летом 1829 г. одноэтажный деревянный дом № 12 (построенный в 1820 г.) с мезонином в три окна, принадлежавший тогда коллежской секретарше Т.Д. Слепцовой, снял Сергей Тимофеевич Аксаков и прожил в нем по 1833 г. В то время, когда С.Т. Аксаков жил здесь, он служил в Московском цензурном комитете, но был вскоре уволен оттуда по приказанию Николая I за пропуск сатиры на московскую полицию под названием «12 спящих будочников». Аксаков много раз выступал в печати со статьями о русских театре и литературе. Большая и дружная аксаковская семья, их «литературные субботы» привлекали множество посетителей, и среди них был тогда еще неизвестный литератор, только что выпустивший в свет свои «Вечера на хуторе близ Диканьки». Николай Васильевич Гоголь приехал сюда летом 1832 г. в сопровождении М.П. Погодина. Аксаков вспоминал, что «по субботам постоянно обедали у нас и проводили вечер короткие мои приятели. В один из таких вечеров, в кабинете моем, находившемся в мезонине, играл я в карты в четверной бостон, а человека три не игравших сидели около стола. В комнате было жарко и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков. Вдруг Погодин, без всякого предуведомления, вошел в комнату с неизвестным мне, очень молодым человеком, подошел прямо ко мне и сказал: „Вот вам Николай Васильевич

Гоголь!” Эффект был сильным. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций...». Второй раз Гоголь пришел через несколько дней и вместе с Аксаковым отправился в гости по соседству к писателю М.Н. Загоскину.

Долгие годы дом Аксакова стоял полузаброшенным и постепенно разрушался. Теперь он реставрирован, и можно надеяться, что теперь он проживет долго.

М.Н. Загоскин – русский писатель, драматург, автор исторических романов, директор московских театров и Московской Оружейной палаты

Строение рядом (№ 14) связано с революционным кружком 1860-х гг. Н.А. Ишутина, а напротив, на месте дома № 15 (1901 г., архитектор А.В. Флодин), где в 1910—1920-х гг. жил режиссер К.А. Марджанишвили (Марджанов), была швейная мастерская, созданная при участии ишутинского кружка, тайного революционного общества, которое открывало артели и мастерские и в то же время организовывало террористические акты. После покушения Каракозова (двоюродного брата Ишутина) на Александра II кружок был разгромлен. На отрезке этой же улицы за Сивцевым Вражком и до Арбата есть интересные архитектурные памятники – они, возможно, здесь самые старые. Это, во-первых, здание церкви Афанасия и Кирилла. Деревянное здание церкви во имя Воскресения Словущего (более известна по придельному храму) существовало еще до Смутного времени; в 1631 г. числилась «новоприбылой»; в 1710 г. оно было каменным с пятью главами, которые были заменены одной главой во время длительной перестройки, начавшейся в 1836 г. и длившейся почти 20 лет. Заново были построены и трапезная, и колокольня, и приделы. В эту церковь первоначально была принесена почитаемая икона Смоленской Богоматери, вывезенная в 1812 г. перед сдачей Москвы Наполеону, а уже потом она с крестным ходом перенесена отсюда в Успенский собор Кремля.

В 1932 г. появилось постановление Моссовета – «церковь „Афанасия” закрыть и передать ее здание Исполкому Коминтерна». Что делал там Коминтерн – неясно, но здание пришлось основательно реставрировать, там предполагали поместить концертный зал. В последнее время перед передачей здания церкви его занимали мелкие заводишки, в 1992 г. в нем начались религиозные службы.

В конце 1830-х гг. в доме священника этой церкви снимал квартиру студент Павел Боклевский, ставший очень известным иллюстратором Гоголя, Островского, Мельникова-Печерского, Тургенева, Достоевского.

Через участок № 18, где стоял дом, в котором в середине 1850-х гг. жил критик и переводчик Б.Н. Алмазов, – одноэтажные каменные палаты (№ 20), возможно выстроенные в первой половине XVIII в. и принадлежавшие в 1763 г. секунд-майору князю А.Д. Друц-

кому. В этих старинных палатах в 1920-х гг. поместилось Управление по строительству Днепрогэса, тут работал известный ученый и инженер И.Г. Александров, разработавший проект станции. Далее – построенный в 1888–1890 гг. дом № 22, связанный с юностью А.Н. Скрябина – он жил здесь во время учебы в консерватории. Недалеко отсюда, в Староконюшенном переулке, жили сестры Секерины, за младшей Наташей, красивой и умной девушкой, ухаживал Александр – он каждый день встречал ее, когда она шла в гимназию или возвращалась оттуда. В 1918 г. тут находится редакция журнала Русского библиографического общества, возглавляемая известным библиографом У.Г. Иваском. В этом доме жили почвовед член-корреспондент Академии наук В.П. Бушинский, архитекторы К.М. Быковский, много строивший для университета, и Н.В. Марковников, автор многих домов в районе метро «Сокол».

На этом участке, выходящем и в соседний Филипповский переулок, находился небольшой деревянный дом, принадлежавший в начале XIX в. известному московскому врачу Г.Я. Высоцкому, а после него дом перешел к его зятю физиологу А.Н. Орловскому, учителю Сеченова.

Владелец дома Григорий Яковлевич Высоцкий пользовался большой известностью в Москве, он посвятил себя хирургии и, как пишет его биограф А.Н. Орловский, «одаренный от природы умом быстрым, взглядом острым, изумительною находчивостию и необыкновенным присутствием духа, свойственным твердости его характера, он был создан для этого занятия». Он прославился благодаря лекарству против рака – соку калины с медом.

В Москве передавали такой анекдот, связанный с ним: приглашенный к Ермолову, он приехал к нему только на следующий день и был встречен словами, что генерал по болезни врача принять не может...

За красную линию выходят палаты (№ 24), которые в 1776 г. принадлежали прадеду Л.Н. Толстого графу Андрею Ивановичу. Любопытно, что их последним владельцем был также родственник Толстого, его шурин А.А. Берс, о котором часто вспоминала в своих записках «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т.А. Кузминская.

Снесенное здание, в котором проявились веяния модерна – неизбежные в проектах эпигонов этого стиля женские головки с распущенными волосами (№ 26, 1910 г., архитектор О.Г. Пиотрович), соседствовало со старинными палатами, так неожиданно соединившими через добрую сотню лет имена людей, связанных с родом Льва Николаевича Толстого. В этом доме жил языковед, специалист по индоевропейскому языкознанию М.Н. Петерсон. В домике, стоявшем здесь до его появления, в начале 1830-х гг. жила актриса М.Д. Львова-Синецкая, для которой три именитых автора – П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов и А.Н. Верстовский – написали водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Актриса пользовалась огромной популярностью и любовью москвичей, ее называли достойной сподвижницей великого Мочалова.

Дом № 30 на углу с Малым Афанасьевским переулком, построенный в 1908 г. (владелец и архитектор К.Ф. Буров), – один из есенинских адресов. С.А. Есенин жил здесь весной 1919 г. в семье поэта-имажиниста А. Кусикова. Тут жил и убийца германского посла Я.Г. Блюмкин, «литератор», как он сам именовался. После этого убийства и последовавшего за ним разгрома правых эсеров Блюмкин остался жить и здравствовать. В 1920-х гг. в квартире № 5 жил художник и крестьянский поэт П.А. Радимов, один из основателей в 1922 г. Ассоциации художников революционной России (АХРР). В этом доме в 1921–1975 гг. была квартира кристаллографа академика Б.К. Вайнштейна, многолетнего директора Института кристаллографии, разрабатывавшего вопросы структурного анализа кристаллов, теории дифракции электронов и рентгеновских лучей, исследования строения белковых молекул.

Ранее тут стоял одноэтажный деревянный дом с рустом, мезонином и четырехколонным портиком, с семью окнами по фасаду, куда в августе 1831 г. О.М. Салтыкова привезла своих сыновей – Дмитрия и Михаила, будущего сатирика. Домом владел ее отец М.П. Забе-

лин, изображенный внуком под именем «дедушки Павла Борисовича» в «Пошехонской старине». М.Е. Салтыков-Щедрин писал в главе «Московская родня»: «Как сейчас я его перед собой вижу. Тучный, приземистый и совершенно лысый старик, он сидит у окна своего небольшого деревянного домика в одном из переулков, окружающих Арбат... Переулок глухой, и редко-редко когда по мостовой продребезжит легковой извозчик-калибер („калиберами” назывались извозчичьи дрожки с длинным сиденьем, на котором один пассажир садился верхом, а другой – боком к нему; рессоры были тоненькие, почти сплюснутые. Пролеток в то время еще не существовало. – *Примеч. М.Е. Салтыкова-Щедрина*)». М.П. Забелин сделал значительные пожертвования в пользу армии в 1812 г., и ему был пожалован чин коллежского асессора и вместе с ним и потомственное дворянство.

До постройки современного дома это адрес видного экономиста А.И. Чупрова и химика В.В. Марковникова.

На другой стороне этой богатой мемориальными памятниками улицы рядом с типовым жилым зданием (№ 25, в нем жил маршал А.И. Еременко), подобным многим, строившимся в 1970-х гг. в переулках, за перестроенным зданием бывшей школы (дом № 27) в небольшом строении для «мраморной мастерской» (1893 г., архитектор А.С. Каминский) жил и работал с 1900 г. до самой кончины в 1932 г. выдающийся скульптор Н.А. Андреев, автор таких значительных памятников, как памятник Н.В. Гоголю на Пречистенском бульваре, А.Н. Островскому около Малого театра, А.И. Герцену и Н.П. Огареву у Московского университета на Моховой.

Дом № 27 – адрес живших здесь художника, участника Товарищества передвижных художественных выставок А.В. Моравова, химика и металлурга Э.В. Брицке, архитектора В.Д. Кокорина. Этот же адрес был записан в книжке А.П. Чехова против фамилии автора нашумевшей пьесы «Дети Ванюшина» С.А. Найденова.

Рядом со школой стоял в прошлом веке небольшой домик (№ 25), где была последняя квартира последнего из оставшихся в живых декабристов – П.Н. Свистунова. Он переехал сюда в 1880-х гг. и здесь же скончался. Здесь в 1890–1894 гг. жил артист А.П. Ленский, и здесь же снимал квартиру артист В.А. Макшеев.

Ближе к Арбату в начале XIX в. находилась большая усадьба графа А.П. Головина (№ 33–35). Позднее она была разделена на две части – в правой жил знаток старой Москвы, автор вышедшего тремя изданиями «Указателя источников истории и географии Москвы с ее древним уездом» П.В. Хавский. Это был трудолюбивый самоучка, дилетант, как сказали бы сейчас, всю свою долгую жизнь (он прожил 93 года) трудившийся над самыми разнообразными проблемами – он интересовался генеалогией и законоведением, историей Москвы, русской хронологией и многим другим, и везде он оставил многочисленные печатные труды. Дом (№ 35), принадлежавший ему, был выстроен по «образцовому» проекту в 1817 г. прапорщицей Е.Ф. Акинфиевой, стоял в этом переулке до недавнего времени, постепенно и неуклонно ветшая, пока не был снесен в 1993 г., несмотря на многочисленные протесты. В 1870-х гг. это был собственный дом знаменитого адвоката Ф.Н. Плевако.

Скульптор Николай Андреевич Андреев

В другой части бывшей головинской усадьбы в 1914–1915 гг. вырос огромный в этом узком переулке доходный дом, фасад которого архитектор В.Е. Дубовский, очевидно в целях большей представительности, украсил во всю высоту гигантскими пилястрами и поместил в их капителях фигуру силача Геркулеса.

За домом № 35 в начале XIX в. была усадьба знаменитого московского медика, врачевавшего «всю Москву» и в том числе семью Пушкиных, М.Я. Мудрова. По преданию, его дочери Надежда Осиповна подарила портрет маленького Александра, тот самый, который сейчас экспонируется в московском Музее А.С. Пушкина. Но есть, однако, серьезные основания считать его портретом не Пушкина, а самого Мудрова в детстве. Перед 1917 г. на этом участке во флигеле, где жила его двоюродная сестра В.С. Ремизова, часто бывал в свои приезды в Москву композитор А.К. Глазунов.

Два трехэтажных здания (№ 41) были выстроены архитектором К.В. Терским в 1903 г. В них жили литературовед Н.П. Анциферов, певица М.А. Оленина д'Альгейм, медик Д.М. Российский, филолог В.В. Виноградов, биолог Л.А. Тарасевич, литературовед Н.С. Ашукин.

В доме, стоявшем здесь ранее, родился и провел детство выдающийся метеоролог А.И. Воейков, в 1850-х гг. жил собиратель русских гравированных портретов, обладатель огромной их коллекции Д.А. Ровинский, в 1890-х гг. зоолог Л.П. Сабанеев, основатель популярного журнала и широко известных книг «Рыбы России».

Напротив этих домов – Малый Афанасьевский переулок, на углу которого с Большим стоит дом № 9/32, построенный по проекту архитектора Н.И. Жерихова для инженера О.С. Вильнера в 1905 г. Второй угол с Большим Афанасьевским образует скромный домик № 14/34, впервые показанный на архивном плане 1834 г. В доме № 7 (1900 г., архитектор В.А. Осипов) помещалось 6-е городское училище. Солидный доходный дом (№ 5/15) стоит на углу Филипповского переулка. Он был выстроен к сентябрю 1913 г. военным инженером Д.В. Стерлиговым. В нем в середине 1930-х гг. была квартира знаменитого скрипача Давида Ойстраха. На другом углу Филипповского переулка – здание посольства Республики Туркмении, где в первые годы советской власти находилось представительство «Хорезмийской народной советской республики» (так называлось государство, образовавшееся в результате разгрома Красной армией Хивинского ханства в 1920 г.).

Большой и Малый Власьевские переулки. Оба Власьевских переулка, и Большой и Малый, получили название от церкви Власия. Св. Власий издавна почитался на Руси как покровитель домашних животных, и на него перенесли верования, связанные с языческим богом Велесом. Недаром эта церковь стояла в Конюшенной слободе и называлась «что в Старой Конюшенной», а по старым документам – «на Козьем болоте». Она неоднократно перестраивалась – возможно, что первоначально каменное здание впервые появилось здесь в начале XVII в. По письменным источникам известна с 1625 г. В 1644 г. была выдана благословенная грамота на четыре придела – Спасопреображенский, Казанской иконы Богоматери, св. Власия и св. Николая. Колокольню XVIII в. изменили в 1816 г., а в 1872 г. построили новую широкую трапезную.

Власьевский Большой и Гагаринский переулки. Фото 1913 г.

В 1921 г. устроили придельный храм Серафима Саровского, переведенный из дома № 21 по Сивцеву Вражку.

Много лет храм находился в полном небрежении, пока наконец он не был приведен в относительный порядок силами общественности и в нем поместился русский народный оркестр «Боян», дававший прекрасные концерты. Теперь же здание церкви передано верующим.

На одной линии с запада на восток расположены колокольня, трапезная и собственно храм. Он одноглавый, на тонкой шее, четверик украшен кокошниками, широким фризом и наличниками.

В Большом Власьевском переулке почти не осталось материальных свидетелей прошлого. Многие строения снесены, расчищены открытые пространства, появились и новые жилые здания. Из несохранившихся домов можно отметить дом под № 1, где в середине 1880-х гг. жил крупный ученый физико-химик И.А. Каблуков. На участке № 9 (в современном жилом доме последние годы жизни провел известный театральный и киноактер М.А. Ульянов) в конце XVIII в. и в течение всего XIX в. было владение Офросимовых. У них с 1852 по 1868 г. квартировал филолог и искусствовед, профессор Московского университета Ф.И. Буслаев, работавший тогда над такими фундаментальными исследованиями, как

«Историческая грамматика русского языка» и «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Здесь же зимой 1894 г. жил на одной квартире с приятелем писателем И.Н. Потапенко Антон Павлович Чехов. В соседнем доме (№ 11) обыкновенно останавливался в свои приезды в Москву А.И. Тургенев. Его в мае 1840 г. несколько раз посещал здесь М.Ю. Лермонтов, который был в своем родном городе проездом из Петербурга, направляясь во вторую ссылку на Кавказ.

Другой наш знаменитый земляк хирург Н.И. Пирогов также останавливался в этом переулке (дом № 10) в октябре 1854 г. проездом в действующую армию, где он намеревался «употребить все свои силы и знания для пользы армии на боевом поле» при осаде Севастополя во время Крымской войны.

В Большой Власьевский переулок в 1823 г. переехала семья А.И. Герцена. Его отец, много лет живя вместе с братом в наемных домах, решил купить собственную усадьбу. Главный дом ее находился в глубине участка, во дворе дома № 14, три этажа которого были построены в 1873 г. Многие из окружения Герцена с любовью вспоминали «старый дом», как они называли его, а Н.П. Огарев посвятил ему стихотворение:

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустеньи тебя,
И былое опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.

Вот и комната: с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой:
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.

Во многих путеводителях утверждается, что дом был разрушен в 1912 г., но еще в 1920 г. в журнале «Творчество» писали, что он, «к сожалению, находится в полном забросе и обречен, по-видимому, на уничтожение». В этом доме до высылки его за границу жил философ Н.А. Бердяев.

В 1922 г. его вызвали на Лубянку и объявили о выселении из России, предупредив, что если он появится в ее границах, то будет немедленно расстрелян.

В эмиграции Бердяев попал сначала в Берлин, где сразу же окунулся в активную жизнь русской эмиграции, а через два года переехал во Францию, в Кламар, небольшой городок под Парижем, где прожил до кончины в 1948 г.

Он пользовался большой известностью за границей, часто печатался, помещал статьи в эмигрантских журналах и издавал книги. Так, например, его «Новое средневековье» принесло Бердяеву европейскую известность как крупного философа.

Но вот отношение к нему многих эмигрантов было резко отрицательным: так, к примеру, известный философ, монархист и идеолог Белого движения И.А. Ильин писал о работах Бердяева: «Я всю жизнь считал его писания поверхностными, безответственными и вредными».

Малый Власьевский переулок с 1960 по 1994 г. назывался улицей Танеева; в начале XIX в. это был Старый Власьев переулок. На территории уголовного с Гагаринским переулком участка (№ 18/2) находится одноэтажное строение с резными оконными наличниками. В апреле 1904 г. сюда переехал Сергей Иванович Танеев, «композитор-мастер, – как писал о нем С.В. Рахманинов, – образованнейший музыкант своего времени, человек редкой само-бытности, оригинальности, душевных качеств...».

В этом скромном домике Танеев прожил 11 лет, до самой смерти, последовавшей после того, как он простудился на похоронах А.Н. Скрябина в 1915 г. Танеев был «совестью» музыкальной Москвы: Чайковский говорил о нем, что «в нравственном отношении эта личность есть безусловное совершенство». Танеев бескомпромиссно выступал за справедливость не только в ведении дел близкой ему консерватории, его волновали и более общие вопросы. В 1915 г. он объявил о своем намерении подписать адрес с требованием свободы печати, совести, собраний. Танеев недвусмысленно писал, что «наглость и дерзость лиц, облеченных властью, только потому и достигли таких размеров в нашем обществе, что проявление этих свойств совершается беспрепятственно, встречает поддержку и поощрение, а в лучшем случае разве лишь пассивное к себе отношение», слова, которые могут быть применены к самым разным периодам истории России, в том числе и к нашим дням.

В этот дом к Танееву часто приходили известные музыканты, ученые, писатели, общественные деятели, на вторничных музыкальных собраниях у Танеева обычно прослушивались новые сочинения. Скромности хозяина этого домика отвечала и неприхотливость обстановки – там «все отзывалось стариной: низкие потолки, незатейливая громоздкая старенькая мебель, высокая конторка с сильно потертым красным сукном, служившая вместо письменного стола, старенький рояль, фисгармония, простой обеденный стол, книги и ноты без конца – на полках, на столе, на окнах». Еще во время похорон С.И. Танеева высказывалось пожелание, к сожалению не исполненное и по сию пору, – сохранить его дом и обстановку в неприкосновенности. Брат Чайковского Модест Ильич вспоминал: «Следуя за гробом Сергея Ивановича, я шел с А.Т. Гречаниновым. Мы говорили о желательности оставить домик во дворе Вишняковой навсегда в том виде, как он был обитаем покойным. „Бывало, вечером, – говорил Александр Тихонович [Гречанинов], – подойдешь к нему и видишь в окна, что Сергей Иванович пьет чай. Значит, можно войти, не потревожа, посоветоваться, а то просто отвести душу в беседе. Ну а если он за пюпитром или за инструментом, то просто постоишь и обрадуешься, что он тут, за делом, и, уже довольный и этим, уйдешь утешенный и ободренный”».

Малый Власьевский переулок в сторону Сивцева Вражка. 1913 г.

Почти примыкает к дому Танеева особняк по Малому Власьевскому переулку (№ 4), состоящий как бы из двух частей – левой, построенной в 1858 г., и правой (проект М.А. Фелькнера) – в 1911 г. На двери этого особняка можно было видеть табличку с надписью: «Б.И. Россинский». Здесь жил один из первых русских авиаторов, первым пролетевший над Москвой от Ходынского поля до Лефортова на самолете «фарман», не имевшем кабины. Россинский вспоминал, что полет проходил на небольшой высоте и когда его «фарман» пролетал над Сухаревой башней, то «весь Сухаревский базар вопил: „Ногами заденет! Ногами заденет!“ Я и сам боялся столкновения с башней», – признавался Россинский. Его самолет единственный летал над Красной площадью в день первой годовщины Октябрьского переворота.

На месте шестнадцатэтажного безобразного типового дома (в нем жил замечательный человек, основатель московского Пушкинского музея, автор интереснейших книг Александр Зиновьевич Крейн) находились целых три участка (№ 6, 8 и 10) и небольшой переулок, носивший название Юдинский. Он шел от Малого Власьевского к домовладениям внутри квартала и церкви Иоанна Предтечи, «что в Старой Конюшенной». Участок № 8—10 в XVIII в. принадлежал княгине А.Ю. Щетининой, прапрабабке Л.Н. Толстого, а в начале XIX в. – ее дочери графине А.И. Толстой, бабушке Федора Толстого-Американца и прабабке Льва Николаевича. В 1830-х гг. здесь был построен двухэтажный каменный дом, которым в конце 1830-х – начале 1840-х гг. владела княгиня Е.С. Гагарина, она же знаменитая в пушкинские времена трагическая актриса Екатерина Семенова. Она уже не выступала, но, конечно, не могла обойтись без сцены. Мемуарист М.Д. Бутурлин вспоминает, как он присутствовал на представлении, дававшемся Семеновой в своем доме в Старой Конюшенной по приглашительным билетам.

В этом доме на короткое время в 1839 и 1842 гг. останавливался А.И. Герцен, в 1843 г. жил Н.М. Языков. Об этом же доме вспоминал П.А. Кропоткин: «...мы несколько лет прожили в наемных домах, покуда отец не нашел третий, по своему вкусу, в нескольких шагах от той самой церкви, в которой его крестили и отпевали его мать». В доме № 8 в октябре 1918 г. в собственном особняке, построенном по своему проекту, жил академик архитектуры Ф.О. Богданович, автор таких известных московских сооружений, как католическая церковь Непорочного зачатия на Малой Грузинской улице и дом бесплатных и дешевых квартир братьев Бахрушиных на Софийской набережной.

Дом № 12 – особняк купца И.М. Коровина, владельца многих доходных домов в Москве, выстроенный, как и пятиэтажный дом рядом (№ 14/23), для него архитектором И.Г. Кондратенко в 1903 г. (в нем в 1920-х гг. жил артист МХТ М.М. Толчанов). В 1830-х гг. здесь в семье родителей будущего артиста Московского Художественного театра А.А. Стаховича часто бывал А.И. Герцен.

На противоположной стороне переулка стоят два «шедевра» советской архитектуры – в одном из них (№ 3) жил последние годы популярный артист А.Н. Грибов. На стене другого «шедевра» (№ 7) – мемориальная доска с надписью «Миронова и Менакер», открытая в 2004 г. в память о популярном дуэте талантливых артистов, в квартире которых открыт музей. Здесь же жили известный актер кино Н.А. Крючков с 1971 по 1994 г. и актриса МХТ А.И. Степанова с 1971 по 2000 г.

Между двумя советскими домами – один из немногих сохранившихся свидетелей прошлых дней – деревянный скромный домик (№ 5), характерный для рядовых, небогатых домов послепожарного московского строительства. На бревенчатый сруб наложены доски, имитирующие каменный руст, и приложены типовые резные декоративные украшения. В 1811 г. участок принадлежал отставному капитану Петру Андреевичу Федорову, в пожар

1812 г. здесь все погорело, и существующий дом капитан отстроил к 27 ноября 1817 г. В последующем им владели самые разные владельцы, но всегда не очень богатые, а с 1880-х гг. и до советского времени – отставной ротмистр Сергей Иванович Данилов и его наследники.

Гагаринский переулок. Много новых зданий появилось в последние годы в Гагаринском переулке (название – по фамилии крупного землевладельца князя Б.И. Гагарина). Ранее он назывался улицей Рылеева в честь одного из руководителей восстания декабристов, якобы бывавшего в доме № 15 в этом переулке. В XVIII в. и в начале XIX в. переулок именовался Старой Конюшенной, будучи главной улицей Конюшенной слободы. Было также и еще одно название – Долгий переулок, так как он в этих местах был одним из самых длинных – 735 метров.

Гагаринский переулок начинается от Гоголевского бульвара. По его нечетной стороне расположены в основном современные конторские здания на месте незначительных строений на участках, выходящих на Пречистенку.

На углу с Чертольским переулком в доме, находившемся на месте современного (№ 9/5, построенного как доходный дом Спасобожedomской церкви 1906 г. архитектором И.А. Германом), в 1867 г. жил музыкальный критик Н.Д. Кашкин, у которого собирались его друзья, преподаватели Московской консерватории, и в их числе П.И. Чайковский.

Гагаринский переулок, дом № 11

Гагаринский переулок, декор дома № 11

В Гагаринском переулке в окружении небольшого садика стоит одноэтажный особнячок (№ 11), чей причудливый декор появился в 1895 г., когда гражданский инженер Н.Г. Фалеев, много строивший в Москве на рубеже веков, переделал для себя более старое здание и украсил его фигурами грифонов, символами надежной стражи, фантастических животных с телом льва и орлиными крыльями, а также (над входом) атрибутами профессии архитектора и строителя – циркулем, лопаткой, кайлом, топориком, треугольником.

Бывшее жилище архитектора в 1920—1930-х гг. называлось 10-м домом Наркоминдела – он предоставлялся иностранным дипломатам. В послевоенное время его отдали американскому журналисту Эдмонду Стивенсу, женатому на русской даме.

Известный коллекционер Никита Лобанов-Ростовский вспоминал: «Москва времен холодной войны была престранным городом. Чудеса в решете были совершенно обычным явлением. Режим и его учреждения, контролировавшие мысли и защищавшие идеологическую невинность граждан, явно поддерживали некоторые странноватые московские хлебосольные дома, открытые и для иностранцев, и для советских людей в запуганной Москве... Во время Второй мировой войны Эдмонд был московским корреспондентом американской газеты и был завербован КГБ – видимо, его поймали на гомосексуализме. Многие это знали, но с удовольствием ходили к нему в гости ради общения. Часто в этом доме собиралась фантастичная для СССР компания – дипломаты, международные журналисты, банкиры, советские функционеры».

Угловой с Хрущевским переулком участок застроен новым зданием, предназначенным для помещения фондов музея А.С. Пушкина (1999 г., А.В. Боков и др.). Изломанный силуэт, крутые крыши, острые углы, какие-то подобию промышленных труб, поддерживающих козырек, – все это никак не объясняет необходимость их выбора – не ясен сам смысл осуществленного музейного здания: создается впечатление, что детали оформления были важны авторам сами по себе, никоим образом не соотносясь ни с назначением здания, ни с его принадлежностью к пушкинскому музею, ни тем более с его окружением, а в особенности вызывающе резко противореча со строгим и монументальным ампирным особняком напротив через переулок.

Это одна из жемчужин московского ампира – деревянный дом (№ 15), возведенный к осени 1815 г. на каменном фундаменте сгоревшего дома. Его построил В.И. Штейнгель, будущий декабрист, а тогда адъютант и правитель канцелярии московского главнокомандующего. Он непосредственно «занимался проектом обстройки столицы и правилами вспоможения разоренным». В то время почти полностью сгоревший город возрождался из пепла. В

восстановлении Москвы участвовали все крупные московские архитекторы, и Штейнгель, очевидно, заказал проект своего дома одному из них. Прожил он в нем недолго – в 1819 г. особняк был продан, а сам хозяин участвует в движении декабристов, попадает под суд и приговаривается к 20 годам каторги.

В октябре 1830 г. этот дом нанимает гвардии штаб-ротмистр Николай Тургенев, дядя известного писателя. В нем поселяется Варвара Петровна Тургенева с детьми, братьями Николаем, Иваном и Сергеем. Прожили они здесь год и уже к осени 1831 г. переехали в переулок Сивцев Вражек.

В 1834 г. в доме живет, как было отмечено в исповедной ведомости приходской церкви, «князь Итальянский, полковник и кавалер, граф Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский», внук знаменитого полководца, человек либеральных и независимых взглядов, причастный к движению декабристов.

В 1872–1917 гг. особняком владели Лопатины, культурная и образованная семья, глава которой был известным юристом, а сын не менее известным философом. На всю Москву были известны «лопатинские среды», которые посещались общественными деятелями, писателями, учеными, артистами. В доме бывали Л.Н. Толстой, С.М. Соловьев, В.С. Соловьев, А.А. Фет, А.Ф. Писемский, В.О. Ключевский.

В доме у Лопатиных часто бывал И.А. Бунин, останавливавшийся неподалеку в меблированных комнатах: «Мне нравился переулок, дом, где они жили, приятно было бывать в доме», – вспоминал он. В книге «Освобождение Толстого» Бунин многое написал о Толстых со слов дочери Лопатина, которых она хорошо знала.

Сейчас этот замечательный памятник истории и архитектуры отреставрирован и передан для офисного использования, а до начала реставрационных работ в доме жил выдающийся знаток русской генеалогии, обладатель коллекции портретов, насчитывающей более 5 тысяч единиц, Ю.Б. Шмаров, описавший историю старинного особняка в альманахе «Памятники Отечества».

Он был одним из активных членов Общества изучения русской усадьбы, вместе со своими коллегами Шмаров ездил по Московской области, фотографировал малоизвестные и совсем забытые усадьбы, подготавливая сборник Общества по истории усадеб. Как и многие другие члены Общества, Шмаров был арестован, но выжил, возвратился в Москву и занялся изучением Пречистенки и окружающей местности – под его руководством долгие годы работал кружок энтузиастов. Я вспоминаю, как он всегда гостеприимно встречал гостей, предоставляя возможность воспользоваться его богатейшей библиотекой и получить консультацию по самым разным вопросам истории России. Умер Юрий Борисович в преклонном возрасте – 86 лет; часть его богатейших коллекций была приобретена московским музеем А.С. Пушкина.

За Староконюшенным переулком в доме № 19/3 останавливался М.Ю. Лермонтов в последний приезд в Москву в 1841 г., а далее по переулку до 1812 г. находилась большая усадьба князей Гагариных (№ 21–27), позднее распроданная отдельными участками.

На одном из них в 1911 г. архитектором Д.М. Челищевым был построен доходный дом (№ 23). В нем жили писательница Л.А. Авилова, химик И.В. Гребенщиков, историк В.П. Волгин, экономико-географ Н.Н. Баранский, писательница, автор воспоминаний о Чехове Л.А. Авилова, гинеколог Г.В. Снегирев, артист Ю.А. Завадский. Рядом с этим большим зданием стоит маленький старожил здешних мест (№ 25) – деревянный особняк, построенный к 1820 г. В нем в 1867–1879 гг. жил П.Н. Свистунов, один из последних оставшихся в живых декабристов, выступивших, как писал Герцен, «для требования человеческих прав, для протеста, для заявлений, за который – и они знали это – их ждала веревка палача и каторжная работа». Свистунов был членом и Северного, и Южного общества и, как выяснили царские следователи, «знал цель – введение республиканского правления и разделял преступное мне-

ние о истреблении императорской фамилии». Он был осужден на 20 лет каторжной работы, но срок ему сократили до 15 лет. Через 10 лет он был сослан на поселение и вернулся в Москву только после смерти Николая, по амнистии 1856 г.

В доме Свистунова в Гагаринском переулке в 1878 г. несколько раз побывал Л.Н. Толстой, собиравший материалы для романа «Декабристы». Он писал Свистунову из Ясной Поляны: «Когда Вы говорите со мной, Вам кажется, вероятно, что все, что Вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое Ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны. Ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня».

В 1879 г. П.Н. Свистунов продает этот дом Н.А. Берензону, много лет бывшему главным врачом Яузской больницы для чернорабочих.

В 1912–1939 гг. здесь живет один из видных архитекторов А.В. Щусев, автор проектов многих построек в Москве и в том числе самой известной – Мавзолея В.И. Ленина на Красной площади, где он в угловой комнате-мастерской зимней ночью 1924 г. набросал его первые эскизы.

Позади этого особняка выстроено конторское здание с волнообразно изогнутым фасадом, покрытым стеклом (2000–2008 гг., архитекторы М. Хазанов, Д. Размахнин). Оно поставлено очень скромно и не портит Гагаринский переулок.

Домовладение № 29–31 принадлежало бригадиру Д.А. Новосильцеву, купившему его в 1798 г. у вдовы Николая Андреевича Тютчева (деда известного поэта). На незаконной дочери Новосильцева Анне Васильцовской был женат писатель М.Н. Загоскин, который жил здесь с июня 1820 по 1831 г. до переезда в собственный дом в Денежном переулке, «часто испытывая, – как вспоминал его сын, – на себе странные придирки и выходки хозяина дома, настоящего деспота старого закала, вызывавшие немало обоюдных бурных вспышек и вследствие которых жизнь моих родителей в его доме становилась все более и более невыносимее, и мысль отделиться от Новосильцова не покидала отца ни на минуту. В то время материальные средства его несколько улучшились, однако не настолько, чтобы он имел возможность, как он сам выражался, «опериться» и жить самостоятельно». Только после необыкновенного успеха его романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» он смог переехать отсюда в собственный дом.

Загоскин был хорошо знаком с А.С. Пушкиным, и не исключено, что поэт мог бывать у него в Гагаринском переулке.

На одном из участков этого большого владения (№ 29) в 1905 г. по проекту архитектора М.Я. Кульчицкого строится жилой дом – белые наличники его окон сейчас хорошо видны после сноса строений по красной линии переулка. Тогда участок принадлежал активной участнице революционного движения 1880–1890 гг. Е.П. Эфрон (мать мужа поэтессы М. Цветаевой Сергея Эфрона), вышедшей из дворянской семьи Дурново, пожертвовавшей и состоянием, и обеспеченным будущим ради борьбы с самодержавием. В эмиграции в Париже повесился ее младший четырнадцатилетний сын Константин, и она не смогла пережить его, повесившись на том же крюке...

В доме в Гагаринском переулке Елизавета Дурново устроила подпольную социал-демократическую типографию, и, как сообщал справочник «По революционной Москве», изданный в 1926 г., жители еще и тогда были уверены, что типография зарыта у них во дворе.

Участок № 29 связан и с другими революционными организациями: в 1870-х гг. здесь собирались члены московского народолюбческого кружка «чайковцев» вместе с П.А. Кропоткиным. Кружок этот получил название по фамилии одного из своих членов Николая Васильевича Чайковского. Программа его, написанная Кропоткиным, предусматривала подготовку революции, в основном путем пропаганды и организации масс.

Существующее здание под № 35 было построено в 1905 г. архитектором А.Д. Муравьевым, а до него здесь стоял одноэтажный деревянный домик 1840 г. постройки, в котором в 1870-х гг. жил артист Малого театра Н.И. Музиль. Соседнее здание заканчивает Гагаринский переулок. Его левая часть – проект архитектора С.М. Калугина 1907 г., а правая, предназначенная для поликлиники Комиссии по улучшению быта ученых, была построена в 1928 г. архитектором А.Ф. Мейснером. В этой поликлинике работали такие крупные ученые-медики, как П.А. Герцен и М.И. Авербах.

Вернемся к началу Гагаринского переулка. Квартал его от Гоголевского бульвара до Нащокинского переулка в XVIII в. был занят большой усадьбой светлейшего князя П.В. Лопухина (получившего этот титул за «заслуги» его дочери, ставшей фавориткой императора Павла I). Современный дом № 2 на углу с бульваром был построен в 1852 г.; стоит обратить внимание на его резные белокаменные колонки, похожие на древнерусские. В этом доме во время строительства храма Христа Спасителя жил архитектор К.А. Тон. В конце 1920-х гг. здесь квартировал педагог С.Т. Шацкий.

Павел Воинович Нащокин

На углу Гагаринского и Нащокинского переулков стоит двухэтажный каменный дом (№ 4) с очень сдержанной обработкой фасадов. В нем находится центральный совет Всероссийского общества охраны памятников. Дом построен в 1970-х гг. по образу и подобию того, который находился на этом месте 160 лет назад, в 1830-х гг. Тогда здесь стоял также двухэтажный дом, но с деревянным вторым этажом, принадлежавший дочерям надворного советника Ильинского, у которых в 1831–1832 гг. его снимал друг Пушкина Павел Воинович Нащокин.

К нему Пушкин приехал 6 декабря 1831 г. и в тот же день отправил записку жене: «Сей час приехал я к Нащокину на Пречистенском валу в дом г-жи Ильинской. Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет, устал. Целую тебя, женка, мой ангел» – это была его первая отлучка из семейного дома. В Москве Пушкин должен был уладить дела по своим старым карточным долгам. Он виделся со многими своими знакомыми и друзьями, хотел заручиться кредитом, но смог только поручить Нащокину хлопоты по денежным обязательствам – долг его так и остался неуплаченным (лишь опека после его смерти возвратила долг).

Уехал Пушкин из Москвы 24 декабря 1831 г., оставив выразительное описание образа жизни его приятеля в письме к жене: «Здесь мне скучно; Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова идет кругом. С утра до вечера у него разные народы:

игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякой кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного – что делать?»

Квартал между Нащокинским и параллельным ему Большим Афанасьевским переулками занят жилым зданием (№ 6), построенным в 1974 г. на месте трех деревянных домиков. В этом доме жил маршал К.С. Москаленко и была последняя квартира киноартиста Вячеслава Тихонова. На углу другого переулка – Староконюшенного – в начале XIX в. находился большой участок, застроенный ранее в основном также деревянными строениями, где помещался один из лучших в Москве частных пансионатов Вейденгаммера, в котором в продолжение почти двух лет учился Иван Тургенев. На этом же участке в небольшом деревянном доме жила семья сестер Гнесиных, у которых часто бывали А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, В.С. Калинников и многие другие молодые тогда музыканты. Здесь в феврале 1895 г. открылось музыкальное училище сестер Е. и М. Гнесиных, превратившееся в наше время в одно из ведущих учебных заведений Москвы.

Оба угла Староконюшенного переулка заняты высокими жилыми зданиями, которые в начале XX в. стали вторгаться в сложившийся ампирный облик этой части Москвы. Дом № 10/10 был построен по проекту А. Карста в 1904 г., а дом № 14/5 – в 1914 г. по проекту архитектора И.Г. Кондратенко. Рядом с ним в середине XIX в. стоял деревянный домик (№ 16), принадлежавший княгине П.С. Кропоткиной, бабушке будущего ученого и революционера, который бывал у нее ребенком. В доме № 16 22 августа 1991 г. застрелился член ГКЧП министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго.

На следующем углу этого квартала сохранился один из старожилов переулка – дом № 18/2, выстроенный к 1817 г. полковником Я.А. Казариновым. С тех пор, правда, изменился его фасад и к дому были сделаны пристройки по проекту М.А. Фелькнера, в то время когда им владел Николай Петрович Вишняков, представитель московской купеческой семьи, известной с XVII в. В 1762 г. Михаил Иванович Вишняков переехал в Москву из города Кашина, а сын его стал служить у родственников Алексеевых и впоследствии образовал с ними совместную фирму «В. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин». Николай Петрович был долголетним городским гласным, председателем важнейшей комиссии «о пользах и нуждах общественных». Он написал историю семью «Сведения о купеческом роде Вишняковых», изданную им в трех частях в 1903, 1905 и 1911 гг. «не для продажи», как было написано на титульном листе.

За Малым Власьевским переулком почти все дома были либо снесены, либо неузнаваемо перестроены. Так, например, на месте зеленого газона находился небольшой дом (№ 20/1), где жил профессор Московского университета Владимир Иванович Герье. Его лекции отличались содержательностью и широтой взгляда, вниманием к концептуальным вопросам, и, несмотря на тяжелый характер и придирчивость, он воспитал много выдающихся историков: «Научные вопросы он ставил широко, идейно, с философским уклоном, чем он и привлекал к себе желающих заниматься историей», – вспоминал историк Н.И. Кареев. Главным для него были преданность науке, искреннее желание обучить мастерству историка. Он впервые создал в Московском университете семинары по всеобщей истории, которые часто проходили здесь, у него на дому в Гагаринском переулке.

С его именем связано создание в Москве Высших женских курсов, которые так и назывались в Москве: «курсы Герье». Он активно участвовал в жизни города, был гласным Московской городской думы.

Не доходя до правого угла Большого Власьевского переулка – редкий в этих местах двухэтажный дом, первый этаж которого каменный, а второй деревянный (№ 22/8), принадлежавший церкви св. Власия, на другом углу Власьевского – обычный советский жилой дом, который находится на участке, где был в начале XIX в. дом, принадлежавший прапорщице

вдове Евдокии Петровне Филипповой, матери княгини Екатерины Александровны Одоевской.

Родовитый Рюрикович, в роду которого были и святой Владимир, и святой Михаил Черниговский, князь Федор Одоевский, статский советник и директор Московского ассигнационного банка, женился на совсем безродной и никому не известной Кате Филипповой, дочери мелкого чиновника. Вызвала эта женитьба много разговоров, молодая княгиня отнюдь не была своей в клане родственников, но князь Федор имел характер независимый и не прислушивался к пересудам.

Он неожиданно скончался молодым, всего 37 лет, 5 июня 1808 г. Его вдова вышла замуж и уехала в Симбирск на место службы отчима, а сына она оставила в Москве у родственника, князя Одоевского.

Глазовский переулок назван так по фамилии владелицы большой усадьбы, выходившей к валу Земляного города и занимавшей современные участки № 7 и 9, Аграфены Глазовой. На месте сада этой усадьбы в 1914–1915 гг. был построен доходный жилой дом (№ 7), обращающий внимание стрельчатыми, «готическими» проемами окон и оригинальной балюстрадой на пятом этаже. В нем находилась квартира автора, архитектора П.П. Малиновского, построившего в Москве несколько производственных зданий, а также жилой дом в Трубниковском переулке. В 1920-х гг. этот дом в Глазовском переулке занимало общежитие Коминтерна, а также Хамовнический и потом Фрунзенский райком коммунистов.

Владелицей этого дома была Н.К. Кусевицкая, из богатой семьи капиталистов Ушковых, чье состояние сыграло значительную роль в музыкальных начинаниях ее мужа Сергея Александровича Кусевицкого, блестящего виртуоза-контрабасиста и талантливого дирижера. Кусевицкий много сделал для издания музыкальной литературы, основав Российское музыкальное издательство, куда входили С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин, Н.К. Метнер и другие выдающиеся музыканты. Собрания совета издательства проходили в особняке Кусевицких напротив (№ 8). В нем после приезда из-за границы в начале 1909 г. жил А.Н. Скрябин – о встречах с ним здесь вспоминал Борис Пастернак, а в 1913 г. останавливался композитор Клод Дебюсси. Особняк выстроен в мае 1898 – феврале 1899 г. архитектором Л.Н. Кекушевым для себя, позднее был продан богатому капиталисту фабриканту Отто Листу, а потом – Н.К. Кусевицкой. Особняк – один из интереснейших ранних образцов стиля модерн. В нем любимые Кекушевым плавные закругления верха оконных проемов с переплетами из мореного темного дуба, далеко вынесенный карниз и лента геометрического орнамента, венчающая небольшую угловую лоджию с преувеличенно укороченной колонкой, так неожиданно врезанной в компактный объем здания. Характерно внимание архитектора к цветовому сочетанию золотистого тарусского «мрамора», обрамляющего окна и парадную дверь, и яркого многоцветья растительного орнамента керамических панно. Одно из таких панно находится над парадной дверью, в правом нижнем углу которого можно разглядеть две латинские буквы WW. Известно, что архитектор Вильям Валькот серьезно занимался керамикой, исследователи отмечают, что он продолжил искания Врубеля и даже превзошел его. От его работ осталось очень мало – в музее Кусково хранится малоизвестная керамика Валькота, удивляющая своей экспрессивной выразительностью. Может быть, панно над дверью особняка Кекушева одна из ранних работ Валькота? Ведь и имя и фамилия его начинаются на латинскую букву W...

Сергей Александрович Кусевицкий, талантливый дирижер и основатель Российского музыкального издательства

Керамика над входом в дом № 8 в Глазовском переулке

Название **Денежный переулок** напоминает о месте поселения мастеров монетного двора. Переулок именовался Плещеевым, по фамилии домовладельца середины XVIII в. сержанта Н.П. Плещеева, а с 1933 г. улицей Веснина по фамилии Леонида Веснина, старшего из троих братьев-архитекторов, жившего в доме № 12. Братья Веснины были известны еще до революции своими работами в стиле неоклассицизма, а в советское время они стали лидерами нового направления – конструктивизма. Здесь же в 1918–1922 гг. прошли последние годы жизни одного из виднейших деятелей театра Е.Б. Вахтангова. В его квартире в феврале

2010 г. открыт мемориальный музей, где экспонируются мебель, его библиотека, афиши, фотографии, личные вещи.

На доме находится барельеф, изображающий В.И. Ленина, сделанный в яркой, экспрессивной манере. О нем еще недавно ничего не было известно, но в результате исследований историка Москвы Ю.Н. Александрова выяснилось, что автор его – скульптор Г.Е. Кепинов, создавший барельеф в 1924 г., вскоре после кончины В.И. Ленина. На этом доме установлено одно из авторских повторений барельефа, возможно в память посещения Лениным здания, расположенного напротив (№ 5).

Согласно первому документу в городском строительном архиве на этом участке, в центре его, находилось деревянное главное здание усадьбы, окруженное подсобными строениями и довольно обширным садом. Владелицей его в 1806 г. числилась графиня Екатерина Петровна Зотова, урожденная Загряжская, очень дальняя родственница знакомых Пушкина. Она вышла замуж за Александра Ивановича Зотова, праправнука «князь-папы» Петра I, его учителя и помощника, получившего от ученика титул графа. В центре участка стоял деревянный одноэтажный главный дом усадьбы, а позади него большой сад. В пожар 1812 г. вся застройка сгорела, и новый владелец граф П.А. Ефимовский строит заново деревянный дом с двумя флигелями. Он не мог похвалиться ни древностью своего рода, ни подвигами на бранном поле или на государственной службе. Его знатность, по словам поэта, была «нова рождением... и чем новее, тем знатней». После того как некая безродная пленница стала женой Петра I и императрицей под именем Екатерины I, ее родственники были вызваны в Петербург ко двору, а потомки получили графское достоинство. Вот так графами Российской империи стали Ефимовские и Гендриковы – одна из сестер Екатерины I Христина была замужем за неким Симоном Гендриковым, а вторая – Анна, за Михаилом Ефимовским. Внук его и выстроил деревянный особняк в Денежном переулке.

Этим участком владел известный писатель М.Н. Загоскин. Он приобрел его за 25 тысяч рублей, полученных за свой первый роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», по купчей крепости, заключенной 24 июня 1831 г. с дочерью Ефимовского подполковницей Е.П. Муравьевой, и владел им до самой кончины в 1852 г.

Дом Загоскина, который был управляющим московскими театрами, а с 1842 г. директором Оружейной палаты, привлекал многих известных деятелей литературы, искусства, науки. У него здесь бывал Белинский, приезжал Гоголь, в 1833 г. жил Н.И. Надеждин, критик, журналист и историк.

По словам автора мемуаров писателя И.И. Панаева, он «редко встречал таких простосердечных и добродушных людей. Загоскин весь и всегда постоянно был нараспашку. Его бесхитростный, простой патриотизм часто доходил до комизма. Когда он бывал в расположении духа, он говорил без умолку и рассыпал в своем разговоре цинические пословицы, поговорки и выражения, сам восхищаясь ими и смеясь от всей души. Его круглое румяное лицо, вся его фигура – маленькая, толстенькая, но хлопотливая и подвижная – как-то невольно располагали к нему... Все в нем было искренно до наивности. Он имел взгляд на жизнь нехитрый, основанный на преданиях, на рутине, и вполне удовлетворялся им, отставивая его с презабавною горячностью». Загоскин любил и знал Москву, в его книге «Москва и москвичи» можно найти десятки драгоценных свидетельств о городе 1830—1840-х гг. Он говаривал: «Одно из величайших моих наслаждений состоит в том, чтоб показывать проезжим все диковины и редкости города».

Денежный переулочек в сторону Левшинских Большого и Малеого. Фото 1913 г.

В 1893 г. этот участок приобрел один из братьев Берг – Сергей Павлович. Владелец был сыном золотопромышленника П.В. Берга, компаньона по сибирским золотым приискам Сабашникова и Шанявского. Берг вложил средства в сахарорафинадный завод, Рождественскую текстильную мануфактуру (ее активы равнялись 9,6 миллиона рублей), железо- и чугуноделательные заводы.

Через 4 года его сын С.П. Берг подал прошение о сломе всех строений в его усадьбе и возведении нового строения. Прошение в 1897 г. подал архитектор А.В. Флодин, который, возможно, и производил работы, а проект принадлежал Петру Самойловичу Бойцову, автору таких интересных сооружений, как особняк на Поварской, 50, замок в Барвихе, музей в Киеве. Фасад особняка Берга, несколько мрачный, облицованный серым песчаником, резко контрастирует с великолепными пышными интерьерами. Вход ведет в небольшой вестибюль с лестницей к первой комнате, откуда большой проем слева открывает великолепный танцевальный зал. Этот зал обязательно упоминается в рассказе о первом бале с электрическим освещением, якобы данным здесь в 1898 г., и о том, как дамы сделали себе макияж в расчете на скудное освещение свечами и как ужасно они выглядели при ярком свете. Рассказ этот приписывается Гиляровскому, но он писал о бале, данном не в этом доме, и не Бергами, и не в 1898 г., а некоей молодой вдовой-миллионершей совсем в другом доме в «половине восьмидесятых годов».

С большим залом соединяется красная гостиная и столовая с замечательным обеденным столом, перевезенным из демидовского петербургского дворца, где в царское время находилось посольство Итальянского королевства. К столовой примыкает зимний сад, где так уютно и так хорошо было выпить чашку кофе.

С победой большевиков для семьи Берг оставаться в Москве было опасно, они покинули Россию и переселились в Швейцарию, а особняк большевики отдали под посольство Германии сразу же после заключения Брест-Литовского мира. В Москву прибыли дипломатические работники во главе с послом графом Вильгельмом Мирбахом-Харффом.

Здесь, 6 июля 1918 г., его и убили.

Это событие вызывает много вопросов своими нестыковками и несоответствиями. Хотя в Советской России было опубликовано несколько исследований и даже документов, но эти исследования, а скорее фальсификации сделаны с определенных идеологических позиций, и им нельзя доверять, и, конечно, нет уверенности ни в подлинности, ни в полноте документов, которые до сих пор секретны или уничтожены. Согласно официальной точке зрения убийство Мирбаха было задумано и проведено левыми эсерами для того, чтобы спровоцировать выступление германской армии против большевиков. Однако результатом было только то, что большевики, опираясь на верные им латышские дивизии, разгромили левых эсеров, которые с тех пор не представляли для них никакой опасности. Вся эта история вызывает множество вопросов, и главный: не были ли причастны к убийству посла сами большевики?

Прежде всего нет ни одного документа, подтверждающего причастность руководителей партии левых эсеров к организации убийства. В Берлине были уверены в том, что Мирбах был убит самими большевиками: «Покушение готовилось заранее. Дело об австрийском офицере Роберте Мирбахе было только предлогом для работников ВЧК проникнуть к послу кайзера».

Многие иностранные ученые, которых не стесняли идеологические рамки и запреты, сомневаются в принятой версии событий. Вот что пишет один из них, Адам Улам: «Драма, разыгравшаяся в июле и августе [1918 г.] и приведшая к гибели левого крыла когда-то гордой партии, лояльной русскому крестьянству, до сих пор хранит в себе элемент мистики... Все сконцентрировалось вокруг графа Мирбаха, чье убийство якобы было санкционировано Центральным Комитетом социалистов-революционеров на заседании 24 июня... Было бы неудивительно, если б кто-либо из коммунистических лидеров решил убрать Мирбаха... Безусловно, обстоятельства, связанные с убийством, крайне подозрительны... Приходится подозревать, что по крайней мере некоторые из коммунистических сановников знали о решении социалистов-революционеров, но ничего не предпринимали... Возможно, по крайней мере, что кто-то в высших большевистских кругах был осведомлен об эсеровских приготовлениях, но считал, что представляется хорошая возможность избавиться и от них [эсеров], и от германского дипломата, причиняющего неприятности. Вообще, самые сильные подозрения падают на Дзержинского...»

Лето 1918 г. было наиболее подходящим временем для уничтожения партии левых эсеров – единственной оппозиции большевикам, поддержанной крестьянской массой.

Покушение совершили два чекиста – Блюмкин и Андреев. Яков Григорьевич Блюмкин, молодой человек 19–20 лет, был руководителем отдела контрразведки ВЧК «по наблюдению за охраной посольства и за возможной преступной деятельностью посольства», а Николай Андреев его подчиненным, фотографом отдела. Блюмкин работал непосредственно под руководством Дзержинского, и представляется маловероятным, что последний не знал в подробностях планов покушения, да и вообще известно, что он несколько раз получал сведения о готовящемся покушении на посла Мирбаха.

Итак, 6 июля 1918 г. За день до этого большевики сняли охрану посольства. Утром 6 июля Блюмкин и Андреев приехали в Первый дом Советов (так тогда называлась гостиница «Националь»), встретились с неким членом ЦК партии левых эсеров и получили от него бомбу и револьверы (кто он был, так и осталось неизвестным – чекисты не интересовались этим, а может быть, и знали, но позволили эту передачу). Оттуда поехали к посольству, приказали шоферу не глушить мотор, вошли в здание и предъявили свои удостоверения и мандат с возможно подложной подписью Дзержинского, вошли в здание и потребовали срочной встречи с Мирбахом под надуманным предлогом по сфабрикованному чекистами делу якобы родственника германского посла. Он нехотя соглашается и выходит для встречи с ними вместе с двумя сотрудниками в гостиную. Это небольшая комната, отделанная сей-

час красным шелком, соединяется широким проемом с главным залом особняка, где теперь проходят приемы гостей посольства.

В ходе переговоров Блюмкин вытаскивает револьвер из портфеля и вместе с Андреевым начинает стрелять в Мирбаха и других. Мирбах бежит в большой зал, где его и настигает пуля. Однако убийцы еще бросают две бомбы, одна из которых разрывается в зале. Пользуясь суматохой, убийцы через окно выбрались из здания, забыв портфели с документами и свои шляпы, как-то сумели перелезть через решетку – высотой более 2 метров, – влезли в поджидавший автомобиль и исчезли. Латышский стрелок-охранник даже и не пошевелился, хотя ему немцы кричали стрелять.

В этот же вечер в посольство прибыл Дзержинский, а на следующий день Ленин, прочитавший по-немецки извинение и обещавший изловить и сурово наказать злоумышленников, что и было «исполнено»: Блюмкина помиловали, а второго не успели – он попал на фронт и скончался от тифа.

Блюмкин еще много лет появлялся в обществе, где он был известен как «убийца Мирбаха». Он попался только значительно позже, когда его поймали на передаче писем Троцкого – для большевиков это было хуже, чем простое убийство.

В 1919 г. особняк занял центральный исполком Коммунистического интернационала, где работали все наиболее известные тогда коммунисты, как русские, так и всего мира. Коминтерн заседал в этом здании до 1922 г., когда его аппарат уже не вмещался в особняке и он был передан посольству Италии, которое и занимает его с 1924 г. по сей день.

Участком (№ 1/8) на углу с Большим Левшинским переулком с 1770-х гг. владел полковник А.Ф. Ладыженский, который в 1782 г. просил позволения выстроить на самом углу с двумя переулками деревянный дом. На плане, выданном ему в 1797 г., на этом месте уже показано существующее здание с закругленным углом. В 1835 г. его приобрела Московская дворцовая контора для квартир своих служащих. Тут жил известный московский архитектор Е.Д. Тюрин. В его квартире находилась коллекция картин, о которой в середине XIX в. писали многие современники: «Лишь только я вошел в первую комнату, как был просто поражен, увидев все стены ее, даже стены лестницы, увешанными прекраснейшими картинами». Его галерея, в которой насчитывалось около 400 картин, в том числе Рубенса, Ван Дейка, Веласкеса, была открыта для всех желающих по воскресеньям. Е.Д. Тюрин предлагал передать ее городу – он писал в 1851 г.: «Почти тридцать лет тому назад родилась во мне мысль собрать коллекцию оригинальных картин, и с тою единственною целью, чтобы впоследствии положить из оных основание Отечественной Картинной Галлерей в Москве, в которой ко всем неисчислимым сокровищам, кажется, только ее и не хватает». Картины он и покупал, и выменивал, и получал в качестве гонорара. Ему, рассказывал он, «как архитектору, случалось находить превосходные картины в подвалах, на чердаках и тому подобных местах, откуда они были исторгаемы мной от конечной гибели». Вся его собирательская деятельность была направлена на общественную пользу: «Сознаю, – писал в старости Е.Д. Тюрин, – что весь труд мой есть только бедное начало для славной будущности Музея изящных искусств в Москве». Однако ни генерал-губернатор Москвы, ни многочисленные учреждения, куда обращался Тюрин, не сочли возможным предоставить помещение для галереи, и ему пришлось распродавать свое собрание по частям.

Тюрин жил в этом доме до отставки в 1868 г.

В этом же доме жили писатели А.Ф. Вельтман и Е.А. Салиас де Турнемир, историки И.Е. Забелин и С.М. Соловьев. О последних днях Соловьева рассказывал издатель журнала «Русский архив» П.И. Бартенев: «с переездом в Москву (из дворцового имения Нескучного, где Соловьев обычно проводил лето. – *Авт.*) врачи воспретили ему много работать, и писать предписано ему было в течение не более получаса. 3 октября 1879 г. он увлекся делом и прописал довольно долго, а на другой день скончался».

В доходном доме № 9 в Денежном переулке, построенном, как и двухэтажный особняк № 7, в 1910 г. архитектором А.Н. Зелигсоном, была квартира (сейчас там мемориальный музей-кабинет) первого советского наркома просвещения А.В. Луначарского. Он, нимало не смущаясь, выгнал в 1924 г. отсюда библиотеку (будущую «иностранный литературы») и поселился там с женой, актрисой Розенель, принимая многочисленных посетителей.

В этом же доме в 1920-х гг. жили композитор Н.Я. Мясковский (до переезда на Сивцев Вражек), в 1920—1930-х гг. историк профессор Московского университета С.В. Бахрушин, в числе трудов которого много работ по истории Москвы, и литературовед академик П.Н. Сакулин.

За Глазовским переулком, почти на углу, – интересный образец деревянного московского ампира (№ 9/6). Его довольно протяженный фасад оживлен шестью колоннами тосканского ордера, как бы поддерживающими мезонин. Дом отличается от многих своих собратьев почти полным отсутствием лепных украшений, которые являлись обязательным компонентом фасадов домов того времени. Здание построено поручиком А.К. Поливановым, который приобрел «обгорелую пустопорожнюю землю»; на ней, как сообщал квартальный надзиратель, деревянный дом «был окончен к 4 января 1823 года». В доме в 1835–1836 гг. жил пушкинский современник и его знакомый, один из участников литературного кружка «Арзамас» С.П. Жихарев. Не исключена возможность, что Пушкин мог бывать в этом доме у Жихарева в свой последний приезд в Москву в мае 1836 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.